российский фонд помощи/www.rusfond.ru

Игорь Задорин
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЦИКРОН»

Благотворительность — акт этический

В Петербурге прошел всероссийский форум по перспективам развития благотворительности в регионах. Доклады были посвящены темам преодоления конфронтации властей и благотворительных некоммерческих организаций (НКО) и опыту их совместной деятельности в области социальной защиты. Наиболее емко эти темы затронуты в докладе ИГОРЯ ЗАДОРИНА, сделанном по итогам социологических исследований его группы нынешней весной в девяти регионах России. С ним беседует руководитель Российского фонда помощи (РФП) ЛЕВ АМБИНДЕР.

— 21 июня в Южно-Сахалинске РФП подписал свой первый договор с субъектом РФ — с Сахалинской областью. Ее власти будут отбирать детей с тяжелыми сколиозами на лечение у нашего партнера, Новосибирского НИИТО, а РФП оплатит это лечение. Мы готовим дюжину таких договоров с регионами, в том числе и для лечения детей у нашего другого партнера, Томского НИИ кардиологии. Их клиники недозагружены, а потребности регионов в их услугах не удовлетворены. Но регионы не знают об этих возможностях и свести их некому. Хотя это дело Минздравсоцразвития РФ, кого же еще? А у вас в докладе говорится о «конкуренции власти и НКО». Где уж тут она?

— Доклад был о взаимоотношениях не федеральной, а региональной власти и благотворительных НКО. Они и конкурируют за символический капитал — за общественную поддержку и доверие. Скажем, есть в регионе интернат, государство его обеспечивает, но дополнительной общественной поддержки это не дает. Делает власть хорошее дело, а народ говорит: так обязана же! А благотворительность — чистый позитив, она сверх «обязанностей», за этот позитив и борются. Власть просто ревнует население к благотворительным фондам. Это одна из неожиданных проблем, обнаруженных в исследовании. Ревность порождает противостояние, от него всем только хуже.

— Власть обеспечивает ваш интернат в соответствии с бюджетом, а тот дефицитен. Не хватает, скажем, новой мебели. Тогда приходит благотворительная НКО и привозит мебель. НКО же не подменяет, а дополняет бюджет. Так из-за чего спор?

— То, что сделали благотворители, это сверх государственных обязательств. Но общественное сознание у нас еще так устроено, будто за все отвечает государство. И помощь благотворителей воспринимается как исправление недоделок власти, как упрек. Власти тяжело выстраивать четкие границы, вот досюда она должна, а вот отсюда — уже нет. Всегда у нас государство было тотально ответственно за все.

— А на самом деле только за бюджет. Где же выход?

— Надо менять общественные стереотипы. Но и благотворителям надо демонстрировать населению: «Мы вместе с властью это сделали».

— Зачем? И неужели так бывает?

— Бывает, но еще редко. Многие фонды, особенно московские и питерские, считают «по-западному»: благотворительность не дело государства, мы его даже не будем информировать о своих инициативах. Получили деньги от бизнеса и решаем проблемы того же интерната. Вот это не очень правильно. НКО сами провоцируют власти на конфронтацию. А в итоге сами же и теряют в эффективности. У власти есть административный ресурс, без которого НКО трудно развиваться. И не использовать его глупо. Даже у вас, у фонда газеты „Ъ“, есть серьезные потребности в этих властных ресурсах.

— У нас обратный опыт. Мои походы к руководству Минздравсоцразвития и предложения денег читателей на лечение детей ничего не дали. Минздраву это не интересно.

— В чем интерес конкретного чиновника Минздрава? Он отвечает за исполнение бюджета, за это с него спросят. А за ваши дополнительные для него дела не спросят. Вы предлагаете чиновнику считать вашу работу его инициативой? Но он не сможет за нее повесить себе медаль на грудь. То есть и символического капитала чиновник с вас не получит. Для него остается быть правильным перед начальством, а быть героем у народа вряд ли получится. Но проблема не только в этом, она еще и в интересе самого Минздрава. Продвинутые региональные власти научились использовать ресурсы благотворительных НКО, их экспертный потенциал, связи с бизнесом, с российскими и зарубежными организациями. Рождается межсекторное взаимодействие власти, бизнеса и НКО. Но Минздраву не нужна ваша компетентность и связи, у него и так все, по-видимому, есть. Вообще, опросы показывают, что во власти и в народе сохраняется настороженное отношение к благотворительности и к благотворительным НКО (свыше 50% опрошенных). Я в свое время писал, что люди видят в этих актах не искупление первородного греха приватизации, а откуп.

— Приватизация была грехом?

— Для массового сознания однозначно это была дармовая раздача при общем разорении. Не будем обсуждать, ошибочно ли это мнение. Оно повсеместно, это важно. И благотворительность порой воспринимается как система безопасности бизнеса: делятся, чтобы выжить. Кстати, вы заметили, даже на этом форуме прозвучало: благотворительность бизнеса — это сохранение политической стабильности, то есть «чтобы не отняли обратно». И даже здесь говорили, что благотворительность — это экономическая деятельность. А она для обычного человека прежде этический акт, а уж потом экономика. Тут кроется одна из серьезных причин недоверия народа к фондам. Фонд — это машина. Этика же присуща личности, а не машине.

— Это ваше личное мнение или вывод из опросов?

— Пока мнение, надо проверять, исследований не было. Но для меня очевиден этический аспект оценок респондентов. В дискуссиях же все обсуждают экономику, коммуникации, менеджмент. Этику не обсуждает никто. Благотворительность должна быть окрашена моралью. Хотите быть понятыми получателями благ? Без этического обоснования ваших акций вам не обойтись.

Новые нервы

Егору Семенову нужна операция

Мальчику три с половиной года. У него синдром Мебиуса. Генетическая болезнь. Не действуют лицевые нервы. Мальчик не умеет улыбаться и не чувствует губ. Ему нужна операция: протянуть новые нервы вдоль позвоночника от спинного мозга к затылку и в обхват черепа — к губам. Иначе лицо Егора, не чувствуя собственного роста, деформируется так, что мальчик не сможет говорить, глотать и дышать.

Отец Егора работает строителем, мама — учительницей. Они живут в общежитии для рабочих при возводимом рядом с городом Дубна коттеджном поселке. В маленькой комнатке без удобств. Туалет в коридоре, душ в коридоре, кухня в коридоре. Они в общежитии единственные русские. Все остальные рабочие — таджики. У таджиков, видимо, принято любить детей: в общежитском коридоре каждый встречный гладит мальчика по голове и улыбается ему, несмотря на то что мальчик не умеет улыбаться в ответ. А таджикская женщина, готовящая рабочим еду, всегда громко восхищается Егором и всегда хвалит его, даже если Егор разобьет у поварихи в хозяйстве какую-нибудь посуду. Так у них, видимо, принято.

Кроме родителей и таджиков, Егору никто не уделяет внимания. Мама Егора рассказывает, что, когда Егор был младенцем, она спрашивала врача, почему младенец не улыбается, а врач отвечал «ну и что?», не ставил диагноз «синдром Мебиуса» или просто не знал такой болезни. А потом, когда Егору было полгода и родители диагноза все-таки от врачей добились, педиатр сказала, что лечить синдром Мебиуса не надо и что, вероятнее всего, до года Егор не доживет. А когда Егору было два года, его отказались брать в детский сад, потому что, дескать, нечего делать в детском саду ребенку с парализованным лицом.

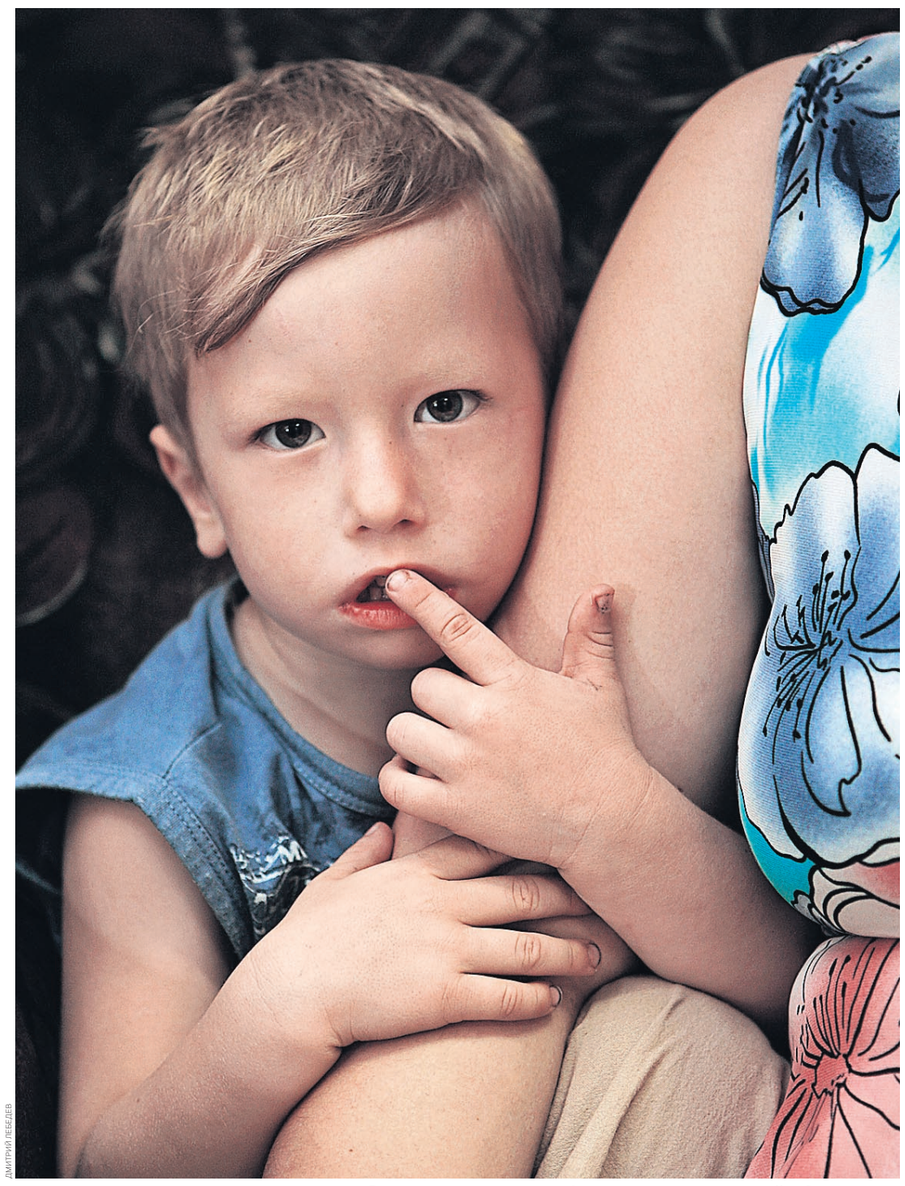
Егор встречает меня на пороге своего общежития, которое разве что обшито снаружи пластмассовым сайдингом, а так — барак. Я сажусь на корточки, чтобы не быть в три раза выше мальчика. И, похоже, от этого установившегося между нами равенства Егор сразу признает во мне друга. И протягивает мне руку для пожатия. И говорит:

— Тривет! — Из-за парализованных губ ему не даются звуки «п» и «б», он говорит вместо них «т» и «д».— Тойдем то мне в гости. Дудем торт есть.

И мы едим торт. Егор утверждает, что вкуснее всего торт есть с колбасой.

— Тотродуй! — говорит мальчик, с удовольствием кусая бутерброд, сооруженный из торта и колбасы.

По удивительному совпадению, это точно такой же торт из безе, чернослива, орехов и крема, каким год назад угощала меня в Воронеже Настя Бояринцева, первая девочка с синдромом Мебиуса, которой проведена была в России первая успешная операция. Из моей заметки про Настю мама Егора узнала, что синдром Мебиуса лечится, что есть в Ярославле единственный на всю Россию хирург, умеющий прокладывать детям новые нервы от спинного мозга к обездвиженным губам. Мама Егора рассказывает мне, что говорила по телефону с мамой Насти и знает: операция тяжелая, в два этапа, выздоровление болезненное, полгода после операции надо ждать, пока приживется нерв и впервые дернется у ребенка в первом подобии улыбки уголок рта.



ДМИТРИЙ ЛЕБЕДЕВ

Когда Егору было полгода, педиатр сказала, что лечить синдром Мебиуса не надо и что, скорее всего, до года Егор не доживет

— Смотри, у меня котенок! — говорит Егор, протягивая мне погладить живого котенка.

Справившись со своим кондитерским бутербродом, мальчик принимается развлекать меня. Он показывает мне котенка, который, оказывается, очень цеплючий, то есть остается висеть на шторе, если поднести его к шторе. А еще Егор показывает мне сломанную машинку, говорит, что совсем сломал ее, только не может разорвать один проводок. И тут же рвет проводок. А еще Егор показывает мне компакт-диск, на котором, по словам мальчика, записан очень смешной мультик «тро Винни-Туха». Только выясняется, что диск тоже сломан и мультик посмотреть нельзя.

— А сейчас,— говорит Егор,— мы тоедем с тодой в тарк!

— Нет, Егор,— отвечают мама и папа.— Мы не поедем с тобой в парк. У тебя только вчера был насморк и температура, тебе еще рано гулять.

Егор в ответ плачет. Он говорит, что очень-очень хотел «тоехать в тарк с дядей». Он поразительно плачет. Лицо совершенно неподвижное, и только в глазах слезы. Он плачет как взрослый мужчина.

И, конечно, мы едем в парк. Егор тащит меня за руку по аллеям показывать мне фонтан, и электрический автодром, и надувной батут, и педальный автомобильчик, который можно взять напрокат под залог паспорта.

На этом педальном автомобильчике Егор гоняет по аллеям парка, кружится, кружится, на каком-то этапе теряет меня из виду, останавливается, оглядывается и опять горько, с неподвижным лицом, плачет.

— Что ты, Егор? — подбегаю я.

— Я думал,— говорит мальчик,— ты потерялся. Ты со мной, дядя?

Надо же что-то ответить ему так, чтобы не соврать.

Валерий Панюшкин,
специально для Российского фонда помощи

КАК ПОМОЧЬ

ДЛЯ СПАСЕНИЯ ТРЕХЛЕТНЕГО ЕГОРА СЕМЕНОВА НЕ ХВАТАЕТ 501 507 РУБ.

По словам заместителя главврача Ярославской клинической больницы скорой медпомощи Юрия Филимендикова, «Егоркина проблема в недоразвитии соответствующих зон головного мозга — они не дают импульсы лицевым нервам для сокращения мускулатуры лица, при этом ребенок вполне нормален во всем остальном». Паралич лицевых нервов, или синдром Мебиуса,— крайне редко встречающаяся в мире болезнь. Больные обычно живут подолгу, но затворниками. Лицевой скелет у взрослых больных недоразвит, кожа лица обвисает, вытягиваются вниз даже веки.

Год назад в России была сделана первая операция ребенку с синдромом Мебиуса. Это была семилетняя Настя Бояринцева. Деньги на ту операцию собрали вы, дорогие друзья, а провел ее ярославский хирург Михаил Новиков совместно с американкой Джулией Терзис, на счету которой уже 25 успешных таких операций. В последние годы в мире добились хороших результатов в борьбе с синдромом Мебиуса. Хирург Новиков специально стажировался у госпожи Терзис в штате Виргиния. Теперь цикл операций для Егора Семенова он намерен выполнить самостоятельно.

Михаил Новиков говорит: «Для лечения будут использованы функционирующие нервы. На первом этапе планируется проведение нервов из плечевого сплетения через трансплантаты, взятые с ног, с шеи, на лицо и подключение их друг к другу. Через шесть—восемь месяцев по очереди пройдут еще две пересадки — мышц бедер с их сосудами и нервами на лицо и реиннервация мышц, окружающих глаза, из ранее подготовленных нервов. Срок лечения займет от одного до полутора лет».

Это хирургическое лечение обойдется в 799 357 руб. Цена исчерпывающая, она включает все три операции. Как всегда, наш постоянный партнер компания «Ингосстрах» внесет $11,5 тыс. То есть не хватает 501 507 руб. Деньги можно перечислить в ярославскую клинику или на сбербанковский счет мамы Егора Екатерины Семеновой, который мы специально открыли ей в Москве.

Дорогие друзья! Бывало, вы собирали и значительно большие суммы — огромное спасибо! Но сейчас лето, многие в отпусках, и дорог буквально каждый рубль для Егорки. Все необходимые реквизиты есть в фонде.

Экспертная группа
Российского фонда помощи

Богдан Чесноков хромать не будет

Восьмилетний Богдан Чесноков получит высококачественный эндопротез. Он обладает способностью расти вместе с больным ребенком, не требуя вскрытия ноги для механической раздвижки. У Богдана саркома Юинга, и, чтобы спасти ногу, надо удалить пораженную часть ноги. Протез стоит 1,08 млн руб. Мы рассказали о беде мальчика в „Ъ“ 15 июня, удалось собрать 872 тыс. руб., и последние 208 тыс. руб. сегодня переведет один из наших читателей. Как заявил фонду поставщик, протез уже заказан и прибудет в Москву 25–27 июля.

А теперь информация для компаний—членов Ассоциации менеджеров. Как уже сообщал „Ъ“, в честь Международного дня защиты детей эти компании оплатили операции тринадцати ребятишкам с пороками сердца в Томском кардиоцентре (2 531 161 руб.). По данным ведущего специалиста кардиоцентра профессора Сергея Иванова, в июне уже прооперированы Ангелина Скокова (5 лет, блокада сердца, Кемеровская обл.), Николай Айдаров (4 года, врожденный порок сердца) и Нурбек Кадыртай (5 лет, врожденный порок сердца) из Казахстана, Ксения Карлина (3 года, врожденный порок сердца), Алена Искакова (16 лет, врожденный порок сердца) и Амир Садретдинов из Омской области, Иван Балтачев (13 лет, нарушение ритма сердца), Ростислав Яковлев (3 года, транспозиция магистральных артерий), Женя Булдаков (14 лет, пароксизмальная тахикардия) и Ксения Копепанова (15 лет, нарушение ритма сердца) из Удмуртии. Все операции прошли успешно, дети чувствуют себя хорошо. Руслан Латыпов (9 лет, врожденный порок сердца, Башкирия), Алина Сайбель (1 год, врожденный порок сердца, Казахстан) и Алена Макарова (14 лет, нарушение ритма сердца, Томская обл.) будут прооперированы в июле.

СЕРГЕЙ ИВАНОВ

Благодаря читателям „Ъ“ врачи смогут поставить протез Богдану Чеснокову уже через месяц

Оплачены: операции по поводу врожденных пороков сердца сестрам Ярославе и Насте Щуклиным (2 года и 6 лет, 138 800 руб. и 133 600 руб., Удмуртия), Лизе Шкариной (16 лет, 191 770 руб., Томская обл.); операции по поводу сколиоза стоимостью 185 384 руб. Кристине Мартыновой (10 лет, Читинская область), Алене Якимчук (15 лет, Молдова) и Марии Баженовой (17 лет, Удмуртия); лечение детского церебрального паралича Максиму Горбачеву (5 лет, 134 600 руб., Карелия), Лере Лосевой (4 года, 125 800 руб., Бурятия), Саше Мутыгуллину (2 года, 134 600 руб., Кемеровская обл.); челюстно-лицевые операции Коле Беликову (6 лет, 70 тыс. руб., Саратовская обл.), Наде Черновой (12 лет, 110 тыс. руб., Курская обл.) и Ромасу Кармонасу (16 лет, 105 тыс. руб., Московская обл.); Даше Скотенко (3 года, термический ожог 3-й степени, Ленинградская обл.) собрано 750 руб., не хватает 111 940 руб.

Отправлено: 4,5 млн руб. поставщику Томского кардиоцентра на покупку оборудования для реконструкции детской операционной; 60 тыс. руб. на оплату трех курсов химиотерапии Юле Евко (2 года, злокачественная опухоль печени, Красноярский край) и 79 718 руб. на электроколяску инвалиду 1-й группы Алексею Иванову (41 год, Москва).

Помогли: благотворительный фонд «Русский дар жизни», Общество помощи русским детям (оба — США), Александр Владимирович (Хабаровск), Мария (Ростов-на-Дону), Алексей (Нижний Новгород), Елена от руководителя (Санкт-Петербург), благотворительный Кауффман-фонд, Ольга и Наталья, ЗАО «Стратегия Инвест» — директор Касаткин Максим Александрович, инвестиционная группа «Капиталъ», ЗАО «АКБ „Русь-банк“», Тамара от руководителя, Инна от руководителя, Ольга от руководителя, три Алексея, две Ирины, три Дмитрия, Мария, три Натальи, два Александра, Евгений, три Светланы, Анна, два Олега, Валерия, Лариса, Мурат, biba_altair@, Сергей Юрьевич, два Николая, два Ивана, две Елены, Андрей Евгеньевич, Левон, Марина Викторовна, Инна, М. Демурин, Алексей Леонидович (все — Москва).

Спасибо!

Лев Амбиндер

Из свежей почты

Антон Юрчук, 2 года, детский церебральный паралич, спасет курсовое лечение. 156 тыс. руб.

У нас все есть для счастья: любовь и уважение, добрая бабушка, желанные дети. Настя — школьница. О сыне мы мечтали восемь лет. Но он явился на свет слишком рано, в тяжелых родах. Десять дней в коме, надежды врачи не давали никакой. И молитвы наши были услышаны: малыш «вернулся». Месяц мы с мужем просидели у стеклянного колпака, под которым на искусственном дыхании лежал наш Антошка, с безумным желанием сделать все ради его жизни. Лечим малыша постоянно, и все же до полутора лет Антон не сидел и не стоял. Пытается на цыпочках идти с поддержкой — ноги заплетаются в веревочку, и он падает. Мы занимаемся гимнастикой, но отставание в развитии увеличивается. Врачи советуют лечение биоактивными препаратами. Нам нелегко просить помощи. Но самим не справиться: муж после службы танкистом в Чечне стал разнорабочим на заводе (8 тыс. руб.). Я студентка-заочница, была медсестрой, а сейчас устроилась на завод за 5 тыс. руб. *Екатерина Юрчук, Свердловская область*

Врач Института медтехнологий Ольга Рымарева (Москва): «Если прямо сейчас начнем лечение Антона, можно преодолеть задержку в развитии и вывести его на уровень обучения в массовой школе».

Ира Марьина, 11 лет, грудопоясничный сколиоз 4-й степени, реберный горб, спасет срочная операция. 185 384 руб.

Семья у нас небольшая, из четырех человек. Ира в пятом классе, Саша в этом году только пойдет в школу. Я школьная прачка (3200 руб.), муж слесарь (7500 руб.). Кормимся с огорода. Кредитов в банке не дают по нашим доходам, ведь они ниже прожиточного минимума, а Ирочке нужна срочная дорогостоящая операция. Ровно год назад, в июне, мы заметили, что у дочки вдруг спинка искривилась. Повели к ортопеду. Он сразу поставил 2-ю степень сколиоза. Год лечились усердно: гимнастика, массаж, мануальная терапия. Но уже через три месяца снимки показали, что искривление увеличилось. Выписали стельки из-за укорочения правой ноги, надели на ребенка корсет. И все же болезнь растет вместе с дочкой. Иру осмотрел профессор Михайловский и сказал, что сколиоз уже 4-й степени, без немедленной операции начнется смещение всех внутренних органов. Мы перепугались, вот беда так беда. Стараемся настроить себя и дочку на операцию. Страшно, а надо! Помогите, пожалуйста, спасти нашу дочурку. *Татьяна Марьина, Кемеровская область*

Заведующий клиникой Новосибирского НИИТО Михаил Михайловский: «Болезнь рано прогрессирует, течет тяжело. У Иры уже правосторонний S-образный сколиоз предельной 4-й степени, растет реберный горб. Оперировать надо сейчас!»

Гузэл Нургалиева, 38 лет, инвалид 1-й группы, двое детей, требуется электроколяска. 122 900 руб.

Меня зовут Диана, окончила девятый класс. У моей мамы рассеянный склероз с 1998 года, и состояние ухудшается. После рождения моего брата у мамы отнялись руки и ноги, она плохо ориентировалась в пространстве. По квартире передвигается ползком. Мама хоть и болеет, но помогает по английскому языку и по другим предметам, приласкает, посоветует. Я не могу вывозить ее на улицу: коляска вместе с мамой весит 75 кг. А она не может крутить колеса, да и не проходит эта громадина через двери. Коляска башкирского производства, взяли ее напрокат. Через фонд соцстрахования получаем одни пеленки. Помочь некому: братику девять лет. Живем мы у бабушки, но она в больнице с третьим инфарктом. Сейчас допишу и побегу в больницу, а брат с мамой побудет. Мы учимся в разные смены, чтобы всегда кто-то дома был. Работа по дому на мне. Я очень устала, но не хочу, чтобы нас забрали куда-нибудь. Надо, чтобы мама и бабушка жили долго. Нам очень нужна электроколяска. Помогите! *Диана Нургалиева, Башкортостан*

Менеджер фирмы «Аура» Екатерина Алексеева (Санкт-Петербург): «Мы подобрали для Гузэл коляску с электроприводом и с подголовником, она легко разбирается. Доставка включена в счет».

Арина Горбунова, 3 года, левосторонний невус, требуется этапное хирургическое лечение. 80 тыс. руб.

Внимание! Общество помощи русским детям (США) внесло $1250 (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 47 750 руб.

В 2003 году у меня родилась двойня — Арина и Даниил. Сын здоров. А у дочки невус, большое темное волосатое пятно слева на лице. Мы обращались в клиники Владивостока, Новосибирска и Петербурга, но дочке никто не смог помочь. Берется помочь только московский профессор Рогинский. Предстоят операции, оплатить которые мы не в силах: муж судовой агент в порту (8 тыс. руб.), я психолог отдела кадров ГУВД (10 тыс. руб.). Живем у родителей-пенсионеров. Отказаться от лечения невозможно: пятно растет и в любой момент может превратиться в злокачественную опухоль. Оно уже во всю щеку, перешло на нос и висок. Мы стрижем и сбриваем с него черные волосы (такие же, как на голове), чтобы люди от ребенка не шарахались. Ариша уже спрашивает, что это у нее на лице. Нам назначали операцию на осень прошлого года, но мы так и не нашли денег. *Наталья Горбунова, Приморский край*

Руководитель Центра челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): «Да, есть угроза злокачественной опухоли. Понадобятся три-четыре операции в течение полутора лет. В школу Арина пойдет с нормальным хорошим лицом».

Арсений Заварзин, 4 года, стеноз легочной артерии, спасет срочная эндоваскулярная операция. 191 196 руб.

Внимание! Фонд «Русский дар жизни» (США) внес $2500 (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 126 446 руб.

Сын с рождения на таблетках, раз в три месяца проходит обязательное обследование. Наши кардиологи считают, что оперировать его можно лишь после шести лет, а москвичи заявили, что операция вообще не нужна. Но состояние малыша резко ухудшилось: появилась тахикардия, одышка. Губы теперь постоянно синие. В детсаду мальчик сидит в сторонке, пытаясь отдышаться, в играх не участвует. Простуды каждый месяц. Томские специалисты рекомендуют баллонную пластику сердечного клапана в ближайшее время, в течение двух месяцев, но в Удмуртии нет такой аппаратуры. Помогите прооперировать сына в Томске. Я один содержу семью, водителем-инкассатором зарабатываю 10 тыс. руб. Жена бухгалтер на заводе, но сейчас в отпуске по уходу за двухлетним Ярославом, получает 57 руб. в месяц. Даже детских пособий никогда не давали. И жилья нет, ютимся у родни. Собрать сами на операцию — не сможем. И совсем нет времени. *Алексей Заварзин, Удмуртия*

Ведущий специалист Томского НИИ кардиологии РАМН Сергей Иванов: «У Арсения сужен клапан легочной артерии, нарушен выброс крови из правого желудочка сердца. Мальчик крупный, ослаблен, и пластику клапана ему надо делать по щадящей методике, через сосуды. Прогноз хороший».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в "Ъ" и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано свыше $16 598 млн. В 2007 году (на 29 июня) собрано 63 378 697 руб. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зыряновская» (Кузбасс), 57 семьям сгоревших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252 г. Москва, а/я 50;
www.rusfond.ru; e-mail: rfp@kommersant.ru.
Телефоны: (499) 943-91-35, (495) 158-69-04 с 10.00 до 21.00.

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».